

Костров Александр Валерьевич, Лебедев Василий Владимирович

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX - НАЧАЛЕ XXI В. (НА ПРИМЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье рассматривается вопрос влияния геополитического фактора на характер эволюции конфессиональной лексики на севере и юге корейского полуострова. Особое внимание при этом обращается на географическую обусловленность культурной специфики и как следствие - специфики развития языка. Эволюция языка изучается в контексте политического разделения Кореи в период холодной войны и в последующее время.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 90-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-139

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос влияния геополитического фактора на характер эволюции конфессиональной лексики на севере и юге корейского полуострова. Особое внимание при этом обращается на географическую обусловленность культурной специфики и как следствие – специфики развития языка. Эволюция языка изучается в контексте политического разделения Кореи в период холодной войны и в последующее время.

Ключевые слова и фразы: юг Кореи; север Кореи; корейский язык; конфессиональная лексика; геополитика.

Костров Александр Валерьевич, д.и.н.
Иркутский государственный университет
a_kostrov@mail.ru

Лебедев Василий Владимирович
Корейский университет (Корё)
kutuzkn@gmail.com

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.
(НА ПРИМЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)[©]**

Большая часть исторических процессов в той или иной мере обусловлена геополитическим фактором. Объективные основы жизнедеятельности человека и общества оказывают серьёзное, а иногда определяющее влияние на характер развития разных стран и регионов мира. География с климатом определяют характер развития хозяйства и как следствие – экономики. Экономика оказывает влияние на формирование социальной структуры общества. Общество выражает себя через присущую только ему культуру. Всё это вместе оказывает влияние на процесс структурирования и функционирования политики. Таким образом, объективное пространство формирует пространство объективно-субъективное, в том числе с его политической составляющей. Политика же как сфера реализации общественных интересов оказывает выраженное обратное влияние на все виды пространства: культурное, экономическое и социальное [1]. Нас же в данном случае интересует вопрос: каким образом и объективная географическая среда, и объективно-субъективное политическое развитие повлияли на процесс эволюции корейского языка во второй половине XX – начале XXI в.?

Корея в данном случае была выбрана неслучайно. Во-первых, географически страна, находящаяся на полуострове, вписывается в два субрегиона, имеющих свою пространственную специфику. Корейский полуостров традиционно находился между континентальным Китаем и островной Японией, как между молотом и наковальней. Он одновременно был цивилизационным мостом и коридором вторжения из Китая в Японию и наоборот. Естественно, что и Китай, и Япония традиционно хотели распространить на Корейский полуостров своё влияние. На фоне этого жёсткого противостояния у корейцев выработалась обострённая национальная идентичность. Вместе с тем, на фоне этих влияний определилась своя региональная специфика, которая в основе своей имеет более фундаментальные причины.

Основание Корейского полуострова географически связано с континентом и испытывает на себе влияние континентальной теллуократии. Теллуократия, понимаемая как власть суши, предполагает традиционалистское общество, ориентирующееся на коллективные ценности и сильное государство. Южная часть Корейского полуострова имеет гораздо больше портовых зон, в большей мере ориентирована на ведение морского хозяйства и морской торговли. Кроме того, юг полуострова испытывает на себе влияние морских талассократических государств. Поэтому Север Кореи и до разделения страны был более традиционалистским и коллективистским. Это обусловлено географически (более континентальное общество, развивающееся к тому же в гористой местности, которая не способствует активным внешним контактам) и цивилизационно (влияние Китая). Юг Кореи и до разделения страны был более предпринимательским, индивидуалистическим и развивался более динамично. Это также было обусловлено географически (общество, имеющее большее отношение к морскому хозяйству и развивающееся в благоприятных климатических условиях) и цивилизационно (влияние Японии и других морских держав).

Соответственно, языковая ситуация в разных регионах Корейского полуострова отличалась характером и темпами эволюции культуры вообще и языка в частности. Север отличался небольшими темпами эволюции, в то время как юг стал мировыми воротами Кореи.

Ещё больше эта ситуация получила развитие после разделения Кореи. Объективные предпосылки отличий в характере и скоростях эволюции стали реализовываться в полной мере под влиянием ведущих стран, включивших разные части Корейского полуострова в свою геополитическую орбиту. Континентальные Китай и СССР включили северную Корею в свою сферу влияния. Морские США с союзниками таким же образом

включили в свою сферу влияния Южную Корею. Таким образом, Корея, как и Германия, оказалась в зоне геополитического разлома. С одной стороны, у этого были объективные географические предпосылки, с другой стороны, здесь как в одной из ключевых зон мира протянулся фронт Холодной войны.

Как известно, религиозная лексика являет собой довольно устойчивый пласт языка, редко подвергаемый крупным изменениям. Вместе с тем, эволюция конфессиональной лексики в характере своего развития отражает глубинные процессы, имеющие место в обществе и его культуре.

Длительная история конфуцианства в Корее оказала большое влияние на язык и традиции корейского народа [2]. Большое количество выражений, пословиц и так называемых «готовых выражений из древней истории» (кор. «коса соньо», *고사성어*) несут на себе сильный отпечаток конфуцианства, а такие категории как «хё» (кит. «сяо» 孝 – сыновняя почтительность), «чхун» (кит. «чжун» 忠 – верность государю) и др.

Буддизм, пришедший в Корею из Китая в районе IV в. н.э., своей многовековой историей обогатил и письменный, и устный корейский язык. Многие элементы буддийской лексики используются и по сей день в повседневной жизни, прочно вплетаясь в ткань языка Кореи. Так, например, такое часто используемое в корейском языке слово как «тори» (кит. «даоли» 道理) с современным значением «общественные правила», «устой» изначально являлось сугубо религиозным термином и пришло в язык именно из буддизма.

На формирование современного языка сильное влияние оказало и сравнительно поздно (XVIII в.) привезённое самими корейцами из Китая христианство. Первой христианской конфессией, попавшей в Корею, был католицизм, который тогда по китайской традиции именовали «учением божественного владыки» (кор. «чхончжугё» *천주교*) или «западным учением» (кор. «сохак» *서학*), в противовес которому в Корее эпохи династии Чосон было «создано» «восточное учение» (кор. «тонхак» *동학*), явившееся предтечей так называемых «новых корейских религий» (кор. *신흥종교*) в начале XX века.

С установлением КНДР на севере полуострова был проведён ряд антирелигиозных кампаний, которые официально истребили большую часть религиозных верований к 1960 годам [3]. Одновременно с этим и без того достаточно устойчивый к влияниям северный диалект был унифицирован и законсервирован северокорейскими учебниками и литературой. При этом, несмотря на репрессивную секуляризацию, в Северной Корее остался большой пласт местных верований, в основном шаманизма (культ предков и пр.), определённые языковые элементы которого активно использовались северокорейскими органами идеологического воспитания при транслировании культа личности вождя и основателя КНДР Ким Ирсена, а после и его сына Ким Ченира. Религиозная и конфуцианская терминология, связанная с верностью правителю и государству, по большому счёту, не только не была тронута антирелигиозными кампаниями, но, напротив, оказалась интегрирована в новую конфуцианско-коммунистическую систему, а околорелигиозные мотивы были перенесены на новую квазирелигиозную почву, на которой зародились мифы о Ким Ирсене, во многом напоминающие мифы об основателях древних корейских династий.

В качестве примера использования сакральной лексики в северокорейской политике можно привести слово «рай». Это слово можно встретить практически повсеместно: от слов песен до названий улиц и станций пхеньянского метрополитена. Конечной целью государственного строительства в КНДР несколько раз даже объявлялось «строительство рая» на земле, а в некоторых случаях даже объявлялось, что «рай» уже построен.

Слово со значением «рай», которое чаще всего используется северокорейской пропагандой, звучит как «нагвон» или «рагвон». Слово это из пласта ханмунной (китайской) лексики и состоит из двух изначально китайских морфем *лэ* 樂 *юань* 園 что дословно означает «сад радости» [4]. Несмотря на то, что в китайском языке это слово сейчас употребляется и в значении «парк развлечений» и в христианизированном значении «Эдемские кущи», в корейском языке слово используется в значении «счастливый край», «утопия».

Еще один яркий пример – использование в северокорейской политической лексике названия священной горы Пэкту (кор. *백두산*) и всего, что с ней связано. Этот сюжет почитания местности (в данном случае горы) используется в том числе для легитимации власти. В лексикон прочно вошли такие выражения, как «Родословная горы Пэкту» (кор. *백두혈통* – дословно «кровная связь Пэкту»), «дух Пэкту» (кор. *백두정신*) и т.д. Местом рождения второго верховного руководителя КНДР Ким Ченира (как минимум, согласно официальным северокорейским источникам) является «партизанский лагерь у подножия горы Пэкту». Все свидетельства, в том числе и документальные, о том, что Ким Ченир родился на территории СССР, отмечаются северокорейским руководством как «грязная выдумка и вражеская пропаганда». Культ горы и большое количество связанных с ней мифов можно проследить у многих других народов, например, у народа Японии с их культом горы Фудзи.

Отдельным моментом в политической лексике современной Кореи является движение «Чхоллима» (кор. *천리마*), подобное стахановскому движению в СССР. Свое название движение позаимствовало из древней языческой мифологии. Само слово Чхоллима – китайского происхождения (кит. Цяньлима 千里馬) и в дословном переводе значит «конь, (за день пробегающий) тысячу ли». Этим словом традиционно обозначали одного из персонажей религиозной мифологии. Выражение «темпы Чхоллима» прочно вошло в политический лексикон Северной Кореи и активно используется по сей день, как и многие другие элементы конфессионального языка.

В то же время конфессиональная лексика южнокорейского общества пережила серьёзную эволюцию, которая продолжается до сих пор. В связи с этим представляет интерес эволюция такого слова, как «бог». В корейском языке существует большое количество слов со значением «бог», «божество», и в каждой конфессии оно разное, однако особым лексическим разнообразием отличаются христианские конфессии.

Одним из первых слов, использовавшихся для обозначения христианского бога в Корее, было китайское слово «шаньди» (кор. *상제*, саньчже, «верховный император»). Гимн Корейской Империи (1897-1910 гг.)

открывался и заканчивался словами «Господи, защити и благослови нашего Императора» (кор. 상테(上帝)는 우리 황제를 도으소, клас. кит. 上帝保佑皇帝聖上). В настоящее время это слово, будучи словом из классического письменного китайского языка, используется только последователями «новых корейских религий», а также в некоторых устойчивых выражениях.

Одним из самых старых слов с этим значением, употребляющимся в христианских конфессиях до сих пор, является слово «чуним» (кор. 주님, «владыка»). Данное слово – это сплав иероглифической морфемы «чу» («владыка») и исконно корейской морфемы «-ним» с похожим значением, в современном языке чаще всего используемой как гоноративный суффикс, выражающий уважение при обращении к старшему. Данное слово используется в основном в римско-католической и православной церквях Кореи.

Но даже это, казалось бы, устоявшееся слово в последнее время уступает место новому слову «ханьним» (кор. 하느님). Слово это состоит из двух исконно-корейских морфем «ханьль» – «небо» и «-ним» – гоноративный суффикс. По мнению корейских учёных, поскольку начиная с древних времён «Абсолютом» в практике всех местных верований в Корею, Китае и Японии было небо, то в языке его стали ассоциировать со всем «абсолютным», в случае с христианством – с богом. Так, китаец, восклицая «о боже!», на деле скажет «о небо!», а названия для верховного государственного правителя (являвшегося для народа главным жрецом, а нередко и с самим «небом») в Китае и в Японии (кит. 天子 «тяньцзы» и яп. 天皇 «тэнно») в качестве первого иероглифа имеют иероглиф со значением «небо». Слово «ханьним» является дословным переводом на собственно корейский язык китайского слова 天主 (дословно «небесный владыка») [Там же]. Это слово в основном употребляется в католической церкви и некоторых протестантских деноминациях.

Однако самым популярным в Южной Корее словом «бог» является слово-«новодел» «хананим» (кор. 하나님) [Там же], имеющее очень интересную этимологию. Современные протестантские богословы на юге Корейского полуострова утверждают, что это слово произошло от исконно корейских слов «хана» («один») и «-ним» (гоноративный суффикс), дословно «единный владыка», что, по их мнению, отражает единую и неделимую сущность бога. Однако, с точки зрения языкознания, гораздо более правдоподобной и имеющей объективные предпосылки версией является версия «северокорейского» происхождения слова.

Как известно, Корея – страна неоднородная как в географическом, так и в языковом плане. На севере люди разговаривают на более консервативных, нежели в центре или на юге, диалектах, что, как уже указывалось, связано с географическими и геополитическими причинами. Как следствие, на севере долгое время язык «консервировался», и тогда, когда на юге, в центральной полосе Кореи и на южном побережье люди уже говорили на языке, сильно напоминающем современный литературный корейский, на севере Кореи по-прежнему превалировал диалект, закрепивший в себе многие уже отжившие нормы старого языка. Так, например, в пхеньянском диалекте по-прежнему существовал огубленный звук «а», записывавшийся как точка под согласным, тогда как в центральных диалектах он уже давно превратился в звуки «ы» или «а». Следовательно, звук «ы» в слове «ханьль» «небо» в пхеньянском диалекте звучал как нечто между «а» и «о».

В первой половине XX века в Пхеньяне существовало огромное количество церквей, за что его даже именовали «Иерусалимом Востока», однако после прихода туда в 1945 году сначала советских войск, а потом и установления в 1948 году государства КНДР многие верующие были вынуждены переходить на неподконтрольный северокорейскому социалистическому правительству юг. Переходя на юг, бывшие пхеньянцы приносили с собой и свой язык, со временем влившийся в современную литературную норму южнокорейского языка, а слово «ханьним» в произношении выходцев с севера стало записываться как «хананим», что породило отдельный культурный феномен. В настоящее время данное слово используется в подавляющем большинстве протестантских деноминаций южной Кореи.

В исследуемое время на религиозную и в первую очередь на христианскую лексику Юга сильнейшее влияние оказал английский язык. Значительная часть уже казалось бы устоявшихся слов в корейском языке в разговорном, а зачастую и в письменном языках заменяется на их английские эквиваленты в корейской транскрипции. Самым ярким примером может служить название одного из самых главных праздников христиан – Рождества. Изначально именовавшееся в Корею «сонтанчжоль» (кор. 성탄절, «праздник рождения святого»), в настоящее время Рождество значительно чаще называется «кхырисымасы» (кор. 크리스마스, от англ. «christmas»). Также в корейский язык попали такие английские слова как «мергу» и «һарру» («весёлый», «радостный»), используемые при поздравлениях не только с христианскими праздниками, но и даже с исконно корейскими. Так, например, в последнее десятилетие большую популярность приобрели выражения «хэххи чхусогыль кивонхамнида» (кор. 해피 추석을 기원합니다), где слово «хэххи» – корейская транскрипция английского слова «һарру», «чхусок» – название традиционного корейского праздника, а «кивонхамнида» – «желаю Вам»; а также «мери кхырисымасы» (кор. 메리 크리스마스, от англ. «Merry Christmas»), причём последняя фраза настолько прочно въелась в повседневный язык, что часто от корейцев можно услышать такие вопросы, как «а как мери кхырисымасы будет по-английски?».

Можно сделать вывод, что эволюция корейского языка во второй половине XX – начале XXI в. испытала не себе влияние геополитического фактора. Север Кореи, географически предрасположенный к консерватизму, несмотря на секуляризацию культуры, сохранил относительно большую часть традиционной конфессиональной лексики в новой политической мифологии и литературе. Юг Кореи, географически предрасположенный к взаимодействию с морским миром, несмотря на отсутствие репрессивной секуляризации, оказавшись под мощным влиянием вестернизации, в развитии конфессионального языка ушёл достаточно далеко от традиционных образцов.

Список литературы

1. **Костров А. В.** Геополитический фактор в истории Кавказского региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. III. С. 84-86.
2. **Курбанов С. О.** История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 680 с.
3. **Lankov A.** The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. Oxford University Press, 2013. 304 p.
4. **류환준, 英中韓 宗教字典** : 영중한 신학 용어사전 / 1판, 永門 (**Рю Хванчжун**). Англо-китайско-корейский словарь теологической лексики. Пекин: Ёнмун, 2002. 495 с.).

**THE GEOPOLITICAL FACTOR OF THE KOREAN LANGUAGE EVOLUTION
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF CONFESSIONAL VOCABULARY)**

Kostrov Aleksandr Valer'evich, Doctor in History
Irkutsk State University
a_kostrov@mail.ru

Lebedev Vasilii Vladimirovich
Korea University
kutuzkn@gmail.com

In the article the issue of geopolitical factor influence on the nature of evolution of confessional vocabulary in the north and in the south of the Korean peninsula is considered. Special attention is drawn to the geographical conditionality of the cultural specificity and, as a consequence, the specificity of the language development. The evolution of the language is studied in the context of political division of Korea in the period of the cold war and after that.

Key words and phrases: the south of Korea; the north of Korea; the Korean language; confessional vocabulary; geopolitics.

УДК 81'33

Филологические науки

Статья рассматривает представление англоязычного дискурса в качестве когнитивной аналитически-образной абстрактно-конкретной фреймовой модели знания, видоизменяемой согласно ситуации общения, модели, наследующей основные синтаксические атрибуты исходного фрейма и образующей открытую систему. В процессе коммуникации слоты ментальных терминалов заполняются соответствующими частями речи и легко идентифицируемыми атрибутами темпорально-модального кортежа вспомогательных глаголов.

Ключевые слова и фразы: коммуникация; фрейм; актуализация; дискурс; ситуация; наследование; моделирование; слоты.

Котельникова Евгения Владимировна, к. филол. н.
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
jenni.kot@yandex.ru

**КОГНИТИВНОЕ АНАЛИТИЧЕСКИ-ОБРАЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДИСКУРСА ©**

Структурированная когнитивная картина мира основана на индивидуальной концептосфере, динамических механизмах познания и когнитивных стереотипах восприятия знаний. Плодотворным оказывается представление знаний о мире с помощью фреймов [2-4], как структур знания, при объяснении механизмов понимания и синтеза человеком дискурса, а также составляющих его речевых актов, которыми в процессе межкультурной коммуникации, как правило, передается наиболее важная часть информации.

Из множества способов образной формализации дискурса во многих случаях используется представление его фрейма-сценария в виде моделей когнитивной матрицы или разветвленной сети. В когнитивной матрице каждая клетка (терминал фрейма) является блочной матрицей, содержащей слоты, заполняемые при актуализации конкретными грамматическими и лексическими атрибутами. Сеть описывает иерархическую многоуровневую структуру графа, состоящую из вершин и связей между ними. На верхнем уровне сети содержится базовая информация о состоянии объекта, на низших терминальных слотах – конкретные значения и данные [2]. Различные фреймы определенных частей дискурса представляют в процессе коммуникации разные способы репрезентации одного и того же контента, реализованного общими терминалами.

Указанные модели применяются для концептуального анализа и с успехом используются при разработке механизмов реализации вышеперечисленных функций с помощью искусственного интеллекта. Однако